

Дмитрий Шашков

Печать Каинова

16+

Дмитрий Андреевич Шашков

Печать Каинова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66243124

SelfPub; 2021

Аннотация

Убийство на войне считается нормой и необходимостью, но всегда ли оно допустимо, или бывают ситуации, когда нужно было не стрелять?

Дмитрий Шашков

Печать Каинова

Утро, журчит вода в раковине, бреюсь. Наблюдаю, как острая бритва аккуратно снимает с моего лица пену вперемешку с мелкими волосками, и невольно люблюсь своим крепким подбородком, мощной шеей, правильными чертами лица, – когда вдруг подступает опять непонятно откуда это нелепое желание плюнуть самому себе в рожу! Не раз с этим сталкивался, случается такое после того, как предаюсь слишком долго воспоминаниям, особенно о том случае... Что же, не вспоминать? Как тут не вспоминать? И как тогда в себе разобраться?..

Я в «лёжке» – замаскированной снайперской позиции. Наблюдаю в прицел «зелёнку» метрах в шестистах, там явно кто-то есть: где-то просвечивает жухлая листва – замаскировали технику срезанными ветками, но поленились вовремя обновить маскировку; где-то «зелёнка» словно прорежена – там, значит, резали себе ветки для маскировки. Сами, понятно, сидят в глубине «зелёнки», боятся. Можно было бы навести на них артиллерию, но толку мало – пока артиллеристы будут пристреливаться, противник будет уже в блиндажах. Блиндаж, конечно, можно разворотить артиллерийским снарядом, но для этого нужно, во-первых, прямое попадание, во-вторых, взрыватель снаряда должен быть переключен на

подрыв с задержкой, чтобы разрыв был внутри блиндажа, а не на брёвнах перекрытия. Но тогда от снаряда мало толку при попадании мимо блиндажа, так как он взорвётся, предварительно заглубившись в землю, оставив в ней большинство осколков. Кроме того, артиллеристы всё равно никогда не видят, куда стреляют, – придётся корректировать их по связи, что само по себе опасно, так как можно быть запеленгованным, или же противник просто будет «кошмарить» наугад любую «зелёнку», где может скрываться корректировщик, что в моём случае весьма опасно, так как моя «зелёнка» к ним всего ближе. Другой вариант – реактивная артиллерия – та уж шарахнет так шарахнет, но опять же, не факт, что в цель. Если накроет точно по их позициям, то, конечно, будут потом «двухсотых» камазами вывозить. Но это если в цель, а так – только поля перепашет, или пустую «зелёнку». И опять же, мне для этого нужно выйти на связь, что само по себе небезопасно. Нет, любая артиллерия по сравнению с моей отлично пристреленной винтовкой – всё равно что нож мясника и скальпель хирурга!

За этими рассуждениями время пронеслось незаметно – вот появляется, наконец, цель! Чувствую, как ладони вспотели от нетерпения. Отчётливо наблюдаю на кромке «зелёнки» человека в форме и с автоматом. Зачем он только вылез, дурак?! В прицеле всё выглядит плоским, словно рисунок на листе бумаги или изображение на мониторе компьютера. Так и не верится, что человек этот – настоящий! Беру его в

прицеле между двумя маленькими угольниками, на пятьсот и на семьсот, ветра нет – отлично! – плавно нажимаю спуск. Моя верная СВД-шка звонко хлопнула, точно удар плёткой, изображение в прицеле прыгнуло вниз от отдачи. Полсекунды – и он валится, как мешок, на землю. Опять тишина... Хороший выстрел – это когда ещё нажимая на спуск, знаешь, что уже попал.

Можно было бы сменить позицию, но, кажется, меня никто не ищет, – возможно, у них и снайперов тут нет. Или попрятались все? Тогда нужно развить успех! Опять разглядываю его в прицел. А он жив! «Трёхсотый». Отчётливо вижу, как поднял руку, – видимо, своих зовёт. Что-то никто у них не спешит спасать товарища! Оно и правильно – их ждёт не только он, но и я! Вот он одной рукой медленно поднял автомат, упер прикладом в землю, перехватил за рукоять, и дал очередь куда-то вверх – с задержкой в две секунды слышу треск очереди – сигнал своим!

Да, вот они, наконец, пришли в себя и отреагировали! Слышу хлопок миномёта и протяжный свист мины, улетающей куда-то далеко мне за спину, затем вдали разрыв. «В молоко» – не то слово! А его по-прежнему никто не спешит спасать. Второй хлопок – теперь уже свист мины короче и разрыв ближе. Чувствую нетерпение, снова вспотели ладони. Третий хлопок – свист ещё короче, разрыв ближе, справа. Значит, они примерно догадались, где я, и начинают пристреливаться. Жаль! Я-то думал, совсем наугад «ло-

жат», а теперь придётся сваливать – рано или поздно даже самые бестолковые миномётчики пристреляются. А с ним что? Не оставлять же! Беру его опять между двумя угольниками, опять плавно жму спуск...

Он был далеко не единственный, в кого я стрелял, и, очевидно, не единственный, кого убил. Точнее, именно про него однозначно нельзя утверждать, что убил, потому что можно выжить и с двумя пулевыми, – шансов немного, тем более, что медслужба у них была не лучше, чем миномётчики, – но можно! А вот то, что вообще среди подстреленных мною были «двухсотые», – это можно утверждать совершенно определённо! Теория вероятностей – упрямая штука!.. Только вот помню я, почему-то, не тех абстрактных «двухсотых», а этого конкретного, и мои два выстрела в него.

Говорят, раньше, когда солдат заставляли приводить в исполнение смертные приговор – расстрел – на расстреливающее отделение давали один из патронов холостой, и каждый солдат мог надеяться, что холостой достался ему. И винтовки, значит, заряжали перед расстрелом не те, кто потом стрелял?.. Странная традиция! Но тогда и я, в общем, могу надеяться, что все подстреленные мною были лишь «трёхсотыми» и выжили... Не знаю, как тем солдатам, но меня эта мысль оставляет равнодушным, а помню я того, который, возможно, и правда выжил, и свои два выстрела по нему, особенно второй...

Война для меня давно кончилась. Я по-прежнему молод

и здоров, но живу один, мало общаюсь с людьми, разве что иногда с сослуживцами. Гражданскую работу по душе так и не нашёл, хоть и пробовал. За службу и участие в боевых действиях мне выплатили кое-какие деньги, и я их научился достаточно успешно вкладывать и инвестировать. Богачом, конечно, не стал, но на жизнь хватает, да и тратить особенно не на что. А не хватит, поеду опять куда-нибудь воевать – снайпера нужны всегда и всюду, как врачи. Только наоборот.

Выхожу на улицу, пройтись, размяться. На турниках делаю несколько упражнений, гуляю, а потом... направляюсь в бар. Нет, я не спивающийся «бывший военный»! Я выпиваю умеренно и культурно! Никто не видел меня сильно пьяным!..

По дороге всё же прокручиваю опять эти мысли. Нет, это не «военный синдром», про который рассказывают глупые фильмы. Среди моих сослуживцев, воевавших не меньше моего, полно тех, кто отлично нашёл себя в мирной жизни, у них семьи, карьера, полно друзей-знакомых... Это и не посттравматическое стрессовое расстройство, про которое я читал кое-что, – мои воспоминания об этом случае, хоть и повторяются, но не являются для меня страшными. Опять же, среди моих сослуживцев есть немало тех, кому пришлось на войне хлебнуть намного больше моего, – кто пережил тяжёлые и мучительные ранения, кто потерял самых близких друзей. Но и они не живут изгоями, как я...

Что-то умерло во мне, вместо с ним... Или он жив? Если

б я знал!.. Может, тоже ожил бы?